

Шигуров В. В.

О ПРЕДИКАТИВАЦИИ И МОДАЛЯЦИИ КАК ОСОБЫХ ТИПАХ ТРАНСПОЗИЦИИ В СИСТЕМЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/8-2/94.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 8 (15): в 2-х ч. Ч. II. С. 216-218. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

1) «универсальность наличия тени»: *У тебя есть, у меня есть, у дуба в поле, у рыбы в море* (433), то есть тень может появиться у каждого человека, животного или вещи везде - на воде и на суше. В этой загадке отражается микрокосм и его связь с макрокосмом, Вселенной;

2) «постоянный спутник человека»: *Неживая, а движется. Ты от нее, она за тобой* (427); *Ты пойдешь - и она пойдет* (428); *То справа, то слева, то за спиной идет рядом со мной* (425);

3) «невозможность избавиться от нее»: *Кого с земли плетью не сгонишь?* (412); *Лежит на земле: ни закрасить, ни соскоблить, ни завалить* (420); *Мету, мету - не вымету, несу, несу - не вынесу, ночь придет - сама уйдет* (434) - данная загадка перекликается с загадками про солнечный свет, «что естественно, так как явления взаимосвязаны» [Митрофанова 1978: 50], к тому же известна пословица «Где свет, там тени»; *Девушка, что тень: ты за нею, она от тебя; ты от нее, она за тобой* (Даль) - в этой пословице, вероятно приводится пример весьма распространенной «любовной игры», где существуют роли «охотника» и «дичи», которые потом меняются друг с другом;

4) «бестелесность, бесплотность» (от слова «плоть»): *Что в стену не вобьешь?* (414); *Что с земли не подымеешь?* (417); (Вселенная); *Чего из стены не вырубешь?* (418); *Что тела не имеет, а видно?* (419); *Ходит без ног, рукава без рук, уста без речи* (421); *Видать глазами, да не взять руками* (423). Данный концептуальный признак может сближать номинацию *тень* с номинацией *призрак*, который также не имеет плоти;

5) «неуловимость»: *Что никогда не поймает?* (415); *Чего не догонишь?* (416); *Ты от нее - она за тобой, ты к ней - она от тебя* (424); *Хоть весь день гоняйся за ней - не поймает* (426); *Один убегает, другой догоняет, а догнать не может* (429);

6) часто «опережает человека»: *Ты только из дому, а она уже до риги шагнула* (431); *Поутру в сажень, в полдень с пядень, а к вечеру через поле хватает* (432); *Сколько по ней не иди, все будет бежать впереди* (422);

7) «безмолвность»: *Век провожает, слова не молвит, на чай не просит* (430);

8) «бессмертность»: *Что на воде лежит, да не тонет?* (413);

9) «причина страха, боязни»: *Он тени (духу) его боится. Он сам своей тени боится* (Даль).

Итак, тень - явление природы, непосредственно наблюдаемое человеком. В загадках о тени нет следов множественной этимологии М. М. Маковского. В них отражается микрокосм и его связь с общим устройством Вселенной и космосом. Тень предстает в роли живого существа, подобного человеку, его двойника, способного передвигаться, не имея ног, лишённого плоти, речи, наводящего страх, но, однако, бессмертного по сравнению с человеком.

Список использованной литературы

1. **Загадки** / Сост. В. В. Митрофанова. - Л.: Наука, Ленингр. отд., 1968.
2. **Косарев А.** Философия мифа: мифология и ее эвристическая значимость: Учебн. пособие для вузов. - М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000.
3. **Маковский М. М.** Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов. - М.: ВЛАДОС, 1996.
4. **Митрофанова В. В.** Русские народные загадки. - Л.: Наука, 1978.
5. **Толстой Н. И.** Язычество древний славян // Очерки истории культуры славян / Отв. ред. О. В. Белова. - М.: Индик, 1996. - С. 145-160.

О ПРЕДИКАТИВАЦИИ И МОДАЛЯЦИИ КАК ОСОБЫХ ТИПАХ ТРАНСПОЗИЦИИ В СИСТЕМЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Шигуров В. В.

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 08-04-00342а)

Среди транспозиционных процессов в системе частей русского языка особое место занимают два принципиально схожих типа функционально-семантического преобразования лингвистических единиц - предикативация и модалация. Предикативация слов и словоформ разных частей речи - существительных в форме именительного падежа (*пора, лень, охота* и т.п.), кратких прилагательных и наречий на *-о* (*весело, легко, далеко* и т.п.), местоимений (*некогда, негде, нечего* и т.п.), а также глаголов в форме кратких страдательных причастий (*накурено, проветрено, убрано* и т.п.) представляет собой очень сложный и не до конца изученный механизм частеречной транспозиции в русском языке.

Данный процесс, как представляется, не может рассматриваться в одном ряду с такими транспозиционными преобразованиями языковых единиц, как субстантивация, адъективация, прономинализация, адвербиализация, интеръективация и т.п., в результате которых они категориально «раздваиваются» и «отпочковавшиеся» от них словоформы переходят из одной части речи в другую. Предикативация - это принципиально иной тип транспозиции слов и словоформ, при котором языковые единицы не перерождаются в какую-то новую часть речи, а используются в речи, так сказать, «нестандартно» - в особой синтаксической функции предиката односоставного безличного предложения для передачи семантики состояния, утрачивая (или

нейтрализуя) в этой позиции семантические, морфологические и синтаксические признаки исходных частей речи, избыточные для данного употребления.

Рядом с предикативацией можно поставить процесс модалации лингвистических единиц разной частеречной отнесенности, суть которого также заключается не в перемещении одной или нескольких словоформ одной лексемы (*конечно, вероятно, видимо, главное, разумеется, факт, право, к счастью; кажется, казалось, казалось бы* и т.п.) из одного семантико-грамматического класса в другой, а в их необычном употреблении в речи - в позиции вводности для выражения разнообразных видов субъективно-модальных значений, что, как и в случае с предикативацией, сопровождается утратой в искомым словоформах дифференциальных признаков соответствующих частей речи, которые в данном контексте оказываются нерелевантными (см. [Шигуров 2001: 59-65]).

Очевидным является то, что в результате предикативации и модалации слова и словоформы разных частей речи транспонируются в определенные семантико-синтаксические разряды (не части речи!), которые можно было бы назвать в соответствии с установившейся традицией безлично-предикативными образованиями с семантикой состояния, или предикативами (*Пришла пора действовать --> Ему пора ехать*), и модально-вводными словами (*Ваше предложение кстати --> Кстати, ваше предложение всех заинтересовало*). Ср. также утрату (или нейтрализацию) семантико-грамматических свойств прилагательного у адъективной словоформы *видно* в контекстах предикативации и модалации: 1. *Отсюда лес не видно* (отадъективная словоформа в функции безличного предикатива) и 2. *Видно, мы ошиблись* (отадъективная словоформа в функции модально-вводного компонента).

К безлично-предикативным и модально-вводным словам, возникшим вследствие предикативации и модалации слов и словоформ разных частей речи, функционально приближаются немногочисленные группы лексем, не имеющие в современном русском языке омонимических соответствий среди знаменательных и служебных частей речи. Таковы, например, безлично-предикативные формы типа *надо, можно, нельзя, жаль, стыдно, совестно, щекотно, тошно, невмоготу, невмочь, невдомек* и модально-вводные слова вроде *наверное, итак, следовательно, например, итак, во-первых, во-вторых, в-третьих, по-видимому*, которые иногда в шутку именуются лингвистами частеречными “бомжами”, или “безродными” словами.

Упомянем в этой связи точку зрения В. Н. Сидорова, который, как известно, выделял среди вводных слов две группы образований: 1) слова разных частей речи в особом синтаксическом употреблении (*говорят, конечно* и т.п.) и 2) слова, не входящие ни в одну часть речи (*впрочем, наверное, дескать* и т.п.) (см. [Аванесов, Сидоров 1945: 232-233]).

В вузовской учебной литературе прослеживается явная тенденция к увеличению количества новых частей речи в русском языке, что не могло не сказаться, конечно, и на трактовке выделенного В. В. Виноградовым особого структурно-семантического типа модально-вводных слов, не входящих, по мнению автора, в систему частей речи, частей речи и междометий (см. [Виноградов 1986: 34-35]). Модальные слова объявляются сейчас нередко новой знаменательной (см. [Милославский 1981: 42; Шанский, Тихонов 1981: 239-240; Современный русский язык 1989: 522; Современный русский язык 2000: 347; Тихонов 2002: 417]) или неполнознаменательной частью речи (см., напр. [Чеснокова, Печникова 1995: 128-136], с чем согласиться трудно. Дело в том, что извлечение из общего списка модально-вводных слов одной группы образований - с семантикой уверенности / неуверенности говорящего в реальности сообщаемого (*наверняка, бесспорно, очевидно* и т.п.) неизбежно должно повлечь за собой выделение и других псевдочастей речи на базе тех семантических групп модально-вводных слов, которые передают отношение говорящего к содержанию речи. В итоге может быть поставлен вопрос о существовании в русском языке еще ряда “лжечастей речи”, таких, как, скажем, “эмотив” (*к счастью, к сожалению* и т.п.); “апеллятив” (*знаешь, понимаешь, простите, видишь ли* и т.п.); слова, указывающие на источник информации (*по-моему, по-нашему* и т.п.); слова, указывающие на способ структурирования мысли (*короче, словом, иначе* и т.п.) и другие, внутри которых тоже есть, как и в группе модально-вводных слов с утвердительной и предположительной семантикой (*вероятно, право, наверное, по-видимому* и т.п.), с одной стороны, образования, не входящие ни в одну из “классических” частей речи (*во-первых, итак, следовательно* и т.п.), а с другой - словоформы разных частей речи - существительных, прилагательных, глаголов, наречий и т.д., подвергшиеся идентичному процессу модалации, при котором языковые единицы утрачивают в той или иной мере семантико-грамматические характеристики исходных частей речи, развивая в позиции модально-вводного компонента соответствующее значение вводного слова.

Что касается безличных предикативов типа *жаль, надо, можно, нельзя, стыдно, совестно, тошно, щекотно*, то, согласно В. В. Виноградову, они входят в “ядро”, центр “новой части речи” - категории состояния. Напр.: *Мне жаль его; Мне стыдно за вас* (см. [Виноградов 1986: 337 и др.]). Этимологически данные образования восходят к тем или иным словам знаменательных частей речи, но иногда в разговорной речи они “оживляют” свой древний, генетический корень. Ср., например, возможность употребления “бывшего” существительного женского рода *жаль* с адъективными распространителями в контекстах *Какая жаль! Такая жаль!* Аналогично обстоит дело и с некоторыми заимствованными безлично-предикативными словами вроде *каюк, капут*, которые тоже могут функционировать как обычные существительные. Ср.: 1. *Ему капут.* и 2. *Раздался громогласный капут.*

Субстантивные словоформ *время, пора, досуг, грех, стыд, срам, позор, смех, потеха, досада, хвала, честь, слава, горе, беда, тоска, ужас, жуть, мука, красота, отрада, слякоть, каторга, корысть, грусть*,

страх, чудо, лафа, неволя, диво, нужда, обида, крышка, крест, смерть, конец, гибель и т.п. (количество их варьируется в пределах от 30 до 40 единиц) в безлично-предикативной позиции подвергаются процессу предикативации, в той или иной мере утрачивая семантико-грамматические свойства существительных, т.е. подвергаясь десубстантивации, обеспредмечиванию.

Не вдаваясь в существо вопроса, отметим, что категориальный статус этих словоформ в конструкциях вроде *Ему было лень работать* до сих пор не получил однозначной оценки, вызывая споры и разногласия среди исследователей. В литературе представлено несколько подходов к их категориальной трактовке, в соответствии с которыми они квалифицируются (с разной степенью дифференциации) как 1) глаголы в безличном употреблении с семантикой состояния (см. [Востоков и др.]); 2) отсубстантивные наречия в синтаксической функции сказуемого безличного предложения (см. [Потебня А. А. Русская грамматика. – 1980. - Т. 2; Краткая русская грамматика 1989 и др.]); 3) слова категории состояния (см. [Л. В. Щерба, В. В. Виноградов, Е. М. Галкина-Федорук, Н. С. Поспелов и др.]); 4) предикативы (см. [А. В. Исаченко. Основы построения описательной грамматики русского языка и др.]); 5) безлично-предикативные формы (см. [А. М. Пешковский; С. И. Абакумов; Л. Л. Буланин и др.]).

Список использованной литературы

1. **Аванесов С. И., Сидоров В. Н.** Очерк грамматики русского литературного языка. - М.: Учпедгиз, 1945. - 236 с.
2. **Буланин Л. Л.** Трудные вопросы морфологии. - М.: Просвещение, 1976. - 208 с.
3. **Виноградов В. В.** Русский язык: грамматическое учение о слове. - М.: Высш. шк., 1986. - 640 с.
4. **Милославский И. Г.** Морфологические категории современного русского языка. - М.: Просвещение, 1981. - 254 с.
5. **Современный русский язык** / В. А. Белошапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская и др. / Под ред. В. А. Белошапковой. - М.: Высш. шк., 1989. - 2-е изд., испр. и доп. - 800 с.
6. **Современный русский язык** / Под ред. П. А. Леканта. - М., 2000.
7. **Тихонов А. Н.** Современный русский язык: Морфемика. Словообразование. Морфология. - М.: Цитадель-трейд, 2002. - 464 с.
8. **Чеснокова Л. Д., Печникова В. С.** Современный русский язык. Анализ языковых единиц: В 3 ч. / Под ред. Е. И. Дибровой. - М.: Просвещение: Владос, 1995. - Ч. 2. Морфология. - 192 с.
9. **Шигуров В. В.** Разновидности функциональной транспозиции словоформ в системе частей речи русского языка // Филологические науки. - М., 2001. - № 6. - С. 59-65.